

УДК 3.09-821.161.1  
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-136-145>

## **Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 1**

***Вера Юрьевна Баль***

*Томский государственный университет, Томск, Россия, balverbal@gmail.com*

### ***Аннотация***

Интерес к гоголевскому наследию в литературной ситуации XX–XXI вв. отмечен многими исследователями. Литературоведами активно вводятся в научный оборот произведения современных авторов, позволяющие поставить вопрос о месте и роли гоголевского творчества в эстетических поисках литературного процесса рубежа XX–XXI вв. Цель исследования – проанализировать принципы функционирования повести «Шинель» Н. В. Гоголя и ее системообразующего образа маленького человека в произведениях писателей рубежа XX–XXI вв. Новизна исследования заключается, во-первых, в осмыслении материала, который ранее не привлекался к анализу, во-вторых, в реконструкции видов, способов и функции рецепции «шинельного текста» в историко-литературном контексте XX–XXI вв. В качестве материала привлечены произведения современных авторов: глава «Маленький человек Тетелин» из романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), рассказы В. Пьецуха «Николаю Васильевичу. Демонстрация возможностей» из сборника «Плагиат» (2001) и О. Славниковой «CHANEL № 5» (2009). Точкой схождения между выбранными произведениями различной эстетической и жанровой принадлежности является их диалогическое переосмысление стилистической системы повести «Шинель», построенной на совмещении двух режимов повествования – «мимики скорби» и «мимики смеха» (Б. Эйхенбаум). Доказывается, что стилистическая организация принципов повествования повести «Шинель» оказывает моделирующее воздействие на произведения. Все три рассматриваемых автора используют прямую цитатную аллюзию на текст гоголевской повести. В. Маканиным и В. Пьецухом «шинельный сюжет» проецируется на осмысление судьбы советской интеллигенции в постсоветских социально-исторических реалиях. Писателями фиксируется и осмысливается духовная деградация и измельчание советского интеллигента как социально-антропологического типа. У О. Славниковой принципы трансформации «шинельного сюжета» связаны с размышлением об онтологической ценности и самодостаточности индивида, которые утрачиваются в ситуации размывания границ между материальным и идеальным, человеком и вещью. Обнаруживаемая и исследуемая Славниковой деформация человека мыслится как немотивированное фундаментальное свойство мира.

***Ключевые слова:*** Н. В. Гоголь, «Шинель», маленький человек, В. Маканин, В. Пьецух, О. Славникова

***Для цитирования:*** Баль В. Ю. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 1 // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 136–145. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-136-145>

## **N. Gogol's story "The Overcoat" in the receptive consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 1**

***Vera Yu. Bal***

*Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, balverbal@gmail.com*

### ***Abstract***

The interest to Gogol's literature heritage in the literature era of the XX–XXI centuries has been noted by many researchers. Literature scholars are actively introducing into scientific circulation the works of modern authors. They allow to raise the question of the place and role of Gogol's heritage in the aesthetic search of the literature process of the turn of the XX–XXI centuries. The aim of the study is to analyze the functioning principles of the novel "The overcoat" and its system-forming image of a small man in the works of writers of the turn of the XX–XXI centuries. The novelty of the study lies, firstly, in the comprehension of the material that has not been previously analyzed, and secondly, in the reconstruction of the types, methods and function of the reception of the "overcoat text" in the literary era of the XX–XXI centuries. The works of modern authors were used as material: the chapter "Little Man Tetelin" from V. Makanin's novel "The Underground or the Hero of Our Time" (1998). Makanin's novel "The Underground, or the Hero of Our Time" (1998), stories by V. Petsukh "To Nikolai Vasilievich. Demonstration of Possibilities" from the collection "Plagiarism" (2001) and O. Slavnikova's "CHANEL No. 5" (2009). The selected works belong to different aesthetic and genre forms and the point of convergence between them is their dialogical reinterpretation of the stylistic system of the novel

“The Overcoat”, built on the combination of two modes of narration – “mimicry of grief” and “mimicry of laughter” (B. Eichenbaum). It is proved that the stylistic organization of the narrative principles of the novel “The overcoat” has a modeling effect on the works. All three selected authors use direct quotation allusion to the text of Gogol’s novel. The “overcoat plot” is projected by V. Makanin and V. Petsukh to comprehend the fate of the Soviet intelligentsia in the post-soviet realities. The writers record and comprehend the spiritual degradation and grinding of the Soviet intellectual as a social and anthropological type. O. Slavnikova’s principles of transformation of the “overcoat plot” are connected with the reflection on the ontological value and self-sufficiency of the individual, which are lost in the situation of blurring the boundaries between the material and the ideal, man and thing. The human deformation discovered and explored by Slavnikova is thought of as an unmotivated fundamental property of the world. All three authors are characterized by the actualization of Gogol’s laughter, where the comic and the tragic coexist.

**Keywords:** *N. V. Gogol, “Overcoat”, little man, V. Makanin, V. Pietsukh, O. Slavnikov*

**For citation:** Bal V. Yu. Povest’ N. V. Gogolya “Shinel’” v retseptivnom soznanii epokhi rubezha XX–XXI vekov. Stat’ya 1 [N. Gogol’s story “The Overcoat” in the receptional consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 1]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 136–145 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-136-145>

### **Введение**

В литературной ситуации рубежа XX–XXI вв. активно проявляют себя рефлексивные культурные механизмы в отношении национального канона, воплощающего идею классики. В этих обстоятельствах проблема исследования видов, способов и функций рецепции в современном историко-литературном контексте творческого наследия писателя, обладающего исключительным культурным капиталом, творчество которого вопреки исторической дистанции не превращается в музейный экспонат, а продолжает длиться в настоящем, является одной из актуальных в современном литературоведении. Бесспорная исследовательская перспектива наблюдается в отношении Гоголя, который объективно имеет статус «создателя» собственной эстетической «линии», наблюдаемой во всех последующих периодах развития отечественной словесной культуры.

На настоящий момент уже положено начало формирования исследовательского поля, посвященного анализу «гоголианы» рубежа XX–XXI вв. Литературными критиками А. Немзером [1, 2] и М. Черняк [3] был отмечен высокий интерес современных авторов к гоголевскому творчеству. В литературоведческой практике можно выделить несколько направлений касательно примеров рецепции гоголевского творческого наследия в современной литературе. Первое направление связано с рассмотрением восприятия образов, сюжетов и других элементов поэтики, ставших «визитной карточкой» классика (образ пишущего человека [4], образ Чичикова [5], плюшкинский сюжет [6] и телесный дискурс [7]). Второе определяет изучение моделирующего влияния художественного мира Гоголя на творческие системы современных авторов [8–13]. Третье сосредоточено на изучении рефлексии о писательской биографии Гоголя, связанной с его приверженностью духовному пафосу учительской миссии, определившей его жизне-

творческие задачи и тип писательского поведения [14, 15]. Четвертое сфокусировано на осмыслении литературной репутации Гоголя на пересечении двух литературных канонов – русского и украинского [16, 17]. Но на исследовательской карте пока не представлено осмысление рецепции писателями рубежа XX–XXI вв. повести «Шинель» и ее системообразующего образа маленького человека. Незнание этого вопроса задает основную цель исследования – описать и проанализировать принципы функционирования именно этого «фрагмента» гоголевского творческого наследия в отечественном литературном контексте рубежа XX–XXI в. На фоне этой выявленной лакуны новизна исследования заключается, во-первых, в осмыслении материала, который ранее не привлекался к анализу, во-вторых, в реконструкции видов, способов и функции рецепции «шинельного текста» в литературной ситуации рубежа XX–XXI вв.

### **Материал и методы**

Для решения поставленной научной цели привлекается обширный и разнородный материал. Начальный этап анализа связан с разделением выбранного материала на две группы. Основание для объединения в одну группу – объект рецепции, т. е. отдельные элементы художественной системы повести «Шинель».

В первой статье предполагается проанализировать группу произведений, которые объединены рефлексией над стилистической системой: глава «Маленький человек Тетелин» из романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), рассказы В. Пьецуха «Николаю Васильевичу. Демонстрация возможностей» из сборника «Плагиат» (2001) и О. Славниковой «CHANEL № 5» (2009). Под стилистической системой имеется в виду не набор приемов, а ее «организующий (регулятивный) принцип» (Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман [18, с. 459]), который

определяет композиционное совмещение в повести разных режимов повествования – «мимики скорби» и «мимики смеха» (Б. Эйхенбаум [19]).

Принадлежность произведений рассматриваемых авторов к разным эстетическим направлениям (реализм (В. Маканин); реализм, включающий приемы постмодернизма (В. Пьецух)<sup>1</sup>; «фантастический» реализм (О. Славникова)) и жанровым традициям (рассказы (В. Пьецух, О. Славникова), глава из романа (В. Маканин)) позволяет проследить общие и различные принципы восприятия литературного наследия классика, обусловленные особенностями диалогизирующего контекста.

Рецептивный подход, положенный в основу проводимого исследования, мыслится с опорой на теоретико-методологические основы, сфокусированные на проблеме диалога и понимания (феноменология индивидуального читательского акта – Р. Ингарден, В. Изер; герменевтика коллективного читательского акта, исторически предопределенного, – Х. Г. Гадамер, Х. Р. Яусс; диалогичность сознания «субъекта познания», определяющая отношение к Другому как обладающему онтологической ценностью, – М. М. Бахтин). Рассмотрение вопроса о межтекстовых связях между произведением классика и современного автора предполагает выявление и анализ характера отношений в структурно-семиотическом аспекте – видах, способах и функциях рецепции. Исторически данное субъектно-объектное отношение в тексте, который не только передает, хранит, но и генерирует новую информацию, реализуя функции «креативной памяти» (Ю. М. Лотман [22, с. 155–163]), находится в фокусе исследования.

### Результаты и обсуждение

Стилистические принципы повествовательной системы повести «Шинель», интерес к которым обозначился в прозе рубежа XX–XXI вв., не были обойдены вниманием гоголеведов. Ученые, с разных исследовательских позиций подходя к проблеме особенностей стиля гоголевской повести, сходятся в одной точке – в вопросе о соотношении в ней смешного и серьезного. Соотношении, в котором сталкиваются внутри художественной реальности два взгляда на маленького человека – сочувствие или унижение.

Б. Эйхенбаум, основоположник исследования нарративных принципов повести, отказывает ей в дидактической цели. Согласно Эйхенбауму, эстетическая установка на переплетение «анекдотическо-

го сказа» с «мелодраматической и торжественной декламацией» – это основание для стилистического доминирования гротеска [19, с. 320]. С. Г. Бочаров говорит о «чрезвычайной стилистической оформленности выражения» на фоне «бесформенности выражаемого содержания» [23, с. 428]. Исследователь, полемизируя с наблюдением В. Розанова о восковой мертвенности гоголевских героев, отмечает, что «герой стилистически унижен и искалечен дальше всякого возможного в действительности предела (в сильнейшей степени деформирован, как бы измят, этим обмеривающим и ощупывающим его взглядом и словом) и в то же время – преобразен» [23, с. 433]. Ю. В. Манн, выделяя архетипические черты юродивого в образе Башмачкина, которые выявляют семантику смеха над неравным, обиженного природой и униженного людьми, говорит о сильной позиции «гуманного места» в повести, о доминанте «мимики скорби», а не «мимики смеха» [24, с. 672].

«Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) В. Маканина можно назвать романом «подведения итогов о судьбе литературоцентричного мифа национальной культуры в первое постсоветское десятилетие. В центре произведения писатель, переживший эпоху литературного подполья, андеграунда конца 1970-х – начала 1980-х гг., и пребывающий в ситуации утраты веры в смыслообразующую роль литературы [25, с. 139]. Главный сюжет романа состоит в мучительном диалоге писателя с Великой русской литературой, с великим Каноном [26, с. 72–73]. Это тематическое ядро определяет вид межтекстовых связей в романе с произведениями русской классики – адресные цитатные аллюзии.

Смерть Тетелина – сюжетная ситуация, которая становится вызовом для сознания Петровича. Реакция на этот вызов отличается двусоставностью. С одной стороны, это реакция публичного отклика Петровича и других персонажей, которые знали Тетелина. С другой стороны, это внутренняя рефлексия Петровича, которая не демонстрируется окружающим.

Рассказ о жизни Тетелина после его смерти начинается буквально как анекдот, построенный по законам черного юмора. Анекдотический принцип рассказывания делает предметом осмеяния не только бесцельность и бессмысленность существования героя, но и его страдания. Фарсовые и абсурдные акценты показывают бессодержательность и безысходность бунта героя. Анекдот, не

<sup>1</sup> Творческий метод В. Пьецуха имеет пограничный характер. И. Скоропанова определяет его как «бывшего реалиста», пополнившего ряды отечественных постмодернистов в 1980–1990-е гг. Согласно классификации И. Скоропановой, в творчестве В. Пьецуха представлен нарративный постмодернизм [20, с. 350–351]. Н. Лейдерман и М. Липовецкий также прочитывают прозу писателя как пример постмодернистских тенденций в русской прозе 1980–1990-х гг. Исследователи говорят о поэтике «квазиисторического» постмодернизма в прозе писателя [21, с. 478–487].

переходящий в трагедию и даже в мелодраму, становится знаком финальной точки развития этой сюжетной коллизии, его исчерпанности в новых социально-исторических декорациях.

В реакции совместного публичного отклика на смерть Тетелина с опорой на принцип повтора, свойственный прозе В. Маканина [27], представлены разные оттенки комического, являющего трансформацию «мимики смеха».

Во-первых, в прологе к поминальному застолью присутствует форма беспричинного физиологического смеха: «я зазвал их в общагу на поминки с лучшими чувствами, поест, выпить, поговорить, помер же человек, однако, едва приехали, Выкыч опять начал смеяться. Чудовищно, но все трое, прихваченные порывом, мы сидели и смеялись. Не смех сквозь слезы – сквозь смерть. Выкыч еще и уверял, что наше похохатыванье – это наша боль, это, мол, и есть всхлипы неформального сострадания. (Всхлипы и взрыды, не успевшие оформиться на выходе из нашего горла)» [28, с. 125].

Во-вторых, бурлескный смех во время поминального застолья: «Чтобы покойного хоть как-то почтить (и чтоб не смеяться), мы втроем затеяли философствовать, ели, пили и рассуждали: были ли эти брюки для Тетелина материальной ценностью? или, как знать – духовной? <...> Poleмика приподымала Тетелина над уровнем земли – над тем говном, каким он был» [28, с. 127–128]).

В-третьих, циничный смех, который воплощает уже апогей фарсового абсурда жизни и смерти Тетелина. Кавказец Ахмет, метонимически воплощающий социально-агрессивную стихию, против которой бунтовал Тетелин, не только присутствует на похоронах, но и берет слово: «Ахмет очень старается, чтобы рассказ был печален. Но словам и его выразительному лицу вопреки, смерть Тетелина смешна и при повторе» [28, с. 128–129].

«Мимика скорби», связанная с темой сострадания, представлена в зоне внутренней рефлексии Петровича. Основой сострадания, проявляемого Петровичем к Тетелину, является жалость, которая выступает как психоэмоциональный жест участия к человеку неполноценному. Неполноценность Тетелина Петровичем отмечается как в его телесных характеристиках («жалкий, ничтожный, и глаза как у кролика»), так и духовных («липкая духовная нищета»). Телесно-духовная недостаточность героя получает дополнительное смысловое измерение в мотиве двойничества: Тетелин копирует Петровича. Не сюжет тотального поглощения копией оригинала важен для романа, а сюжет рефлексии оригинала над своей копией. Петрович в романе – это натура уходящая. Он социально-антропологический тип, сформированный предшествующим культурно-историческим контекстом. Тетелин ори-

ентирован не на содержательное подражание высокому образцу прошлого, писателю-интеллигенту, а на внешнее – повадки, походку, образ жизни. Причем те повадки и привычки Петровича, которые проявились у него в новых социокультурных обстоятельствах, когда его символический авторитет писателя-интеллигента оказался не востребован. В этом контексте подражание Тетелина – это знак не возрождения, а вырождения интеллигента как особого типа личности. Мотив двойничества делает маленького человека предметом самонаблюдения Петровича. В этом смысловом сдвиге полемически обостряется сложившаяся традиция русской классической литературы, условно разделившей героев на «маленьких» и «не маленьких людей». В романе эта традиция своеобразным образом «завершается», так как маленький человек обнаруживается в «не маленьком» человеке. Даже можно сказать больше – он масштабируется до уровня героя времени, символа поколения. Разговор о жизни и смерти Тетелина – это проекция разговора Петровича и его окружения о себе, осознающих бессмысленность и бессмысленность собственной жизни на сломе эпох. Внешне этот разговор имеет форму «видимого смеха», а чувство жалости, как «невидимые слезы», переживается наедине с собой, не делается публичным достоянием.

Рассказ В. Пьецуха «Николаю Васильевичу. Демонстрация возможностей», который входит в сборник «Плагат» (2001), тоже являет пример межтекстовой связи с повестью Гоголя на основе адресной цитатной аллюзии. Во-первых, есть отсылка к фабуле, во-вторых, указание на стиль Гоголя как объект изображения («И надерзнуть предпочтительно <...> по возможности тем же самым каноническим языком») [29, с. 3–4]. Оба эти аспекта рефлексированы не изолированно, а вместе как содержательная форма, в которой равновелики вопросы и что, и как.

В рассказе Пьецуха способом выражения отношения к гоголевскому тексту становится пародия в ее обеих функциях, если опираться на термины Ю. Тынянова. В рассказе наблюдается «**пародичность**» («**пародическая функция**») по отношению к стилю гоголевских произведений. Ее функция видится в закреплении в историко-литературном процессе гоголевского стиля, связанного с поэтикой гротеска, фантастического и абсурда. Закрепление синонимично подчеркиванию его пригодности и емкости для наполнения новым содержанием. Новое содержание, образ советского инженера-технолога, который накопил и купил в начале 1990-х после выхода на пенсию советский подержанный автомобиль, становится объектом «**пародийности**» («**пародийная функция**»).

Традиция гоголевской стилистики гротеска, определяющая тотальное господство иронии в рас-

сказе, становится инструментом дискредитации и демифологизации одного из главных социокультурных мифов о советской интеллигенции.

Самоотдача советского интеллигента эпохи 1970–1980-х гг. при накоплении денег на главную мечту – автомобиль – становится центральным объектом «пародийности» в рассказе. Ситуация собирания денег представлена по законам гоголевского комического гротеска с плюшкинской аллюзивной подсветкой. С помощью стилистической градации показана деградация героя – сведение его жизни к «существованию» (В. Пьецух). Экономия Лютикова начинается с бережного отношения к своим вещам и завершается донашиванием ветоши и подборанием мусора.

Представленная вариативность финалов рассказа – это больше, чем постмодернистская игра с разными версиями текстовой реальности. Вариативность показывает ход размышлений Пьецуха о невозможности возвращения мифа о советском интеллигенте. Общее в каждой версии – это опора на гоголевский стилистический каркас, связанный с поэтикой гротеска, абсурда, алогизма. Содержательно своеобразие каждого финала связано с ироничным переосмыслением разных «оттенков» мифа об отсутствии меркантильных интересов у советского человека. Мифа, который уже в основной части рассказа развенчивается изображением распространенной поведенческой схемы – одержимость советского человека копить деньги на предметы, необходимые для улучшения качества бытовой повседневной жизни.

В первой версии финала иронично представлена возможность реванша советского интеллигента Лютикова в новой постсоветской действительности, где «хозяева жизни» «новые русские». Объектом пародирования становится возможность гоголевского «гуманного места» в новых социально-исторических обстоятельствах. В рассказе травестируется тема возмездия и покаяния. Торжество христианской морали, по принципу *Deus ex machina* вторгающееся в повествование, заменено ироничной версией социально-экономической справедливости, в которой караются и преобразуются богатые люди, не чуждые коррупции и криминала. В событиях первой версии финала возмездие представлено как апогей абсурда и алогизма: «Один сгорел, второй взорвали, третий нашли на дне Яузы, четвертый как-то сам собой рухнул на-

земь с Крестовского путепровода, и при этом на останках автомобилей злоумышленник неизменно изображал краской из пульверизатора для граффити загадочные инициалы Н.М., что, впрочем, могло означать и „новые марксисты“, и „неуловимые мстители“, и „новопреставленные мертвецы“» [29, с. 72]. Последствием этого вторжения становится буквальное преобразование новых хозяев жизни: богатые становятся бедными (разорившимися), бесстрашные – испуганными («знаменитый бандит до того испугался повторения Великого Октября, что покончил жизнь самоубийством» [29, с. 72]), ориентированные на успешное процветание соглашаются на служение вечному (отказ от профессии предпринимателя и выбор профессии библиотекаря), сосредоточенные на личной выгоде проявляют безвозмездную щедрость (перечисление нефтяной компанией в Министерство культуры «куша»).

Во второй версии финала дискредитируется идея соцреалистического мифа об альтруизме сознательного советского рабочего: «В сущности, и этот великодушный поступок вполне сообразуется с нашей фантазмагорической действительностью, и даже он совершенно в характере русского человека, который в начале прошлого столетия отказался от насущнейших удобств жизни ради благоденствия трудящихся всей Земли» [29, с. 73].

Третья версия финала продолжает тему советской мечты об автомобиле в новой постсоветской реальности. Явление герою призрака, воплощающего дух отрезвляющего цинизма, определяет поворот в сторону торжества приземленных обывательских желаний у советского инженера: «На другой день после свидания с ангелом-хранителем Лютиков ударился во все тяжкие. Именно – купил себе новые брюки, белужьей икры к завтраку и вскоре сделался завсегдатаем ресторана „Москва – Париж“. На следующей неделе его застрелили у подъезда ресторана, приняв по ошибке за нежелательного свидетеля по одному важному делу, и он все-таки отправился в мир иной» [29, с. 76].

Рассказ Ольги Славниковой «CHANEL № 5», который был написан для Гоголевского фестиваля в Париже, приуроченного к юбилею классика в 2009 г.<sup>2</sup>, являет пример многослойной межтекстовой связи. Во-первых, в рассказе присутствует адресная цитатная аллюзия на повесть Гоголя «Шинель» (сюжетно-фабульный уровень, тип ге-

<sup>2</sup> Написание Славниковой юбилейного рассказа встроено в широкий контекст ее рассуждений о месте и роли гоголевской традиции в современной прозе. На круглом столе в 2009 г., посвященном юбилею классика, О. Славникова отметила, что «описать происходящие в наши дни события можно, только используя гоголевский язык. <...> Чтобы современному писателю полноценно работать с текущей действительностью, надо очень внимательно читать Гоголя. <...> Гоголевские уроки прекрасны, потому что то, что казалось анекдотом, на самом деле становится большим „мессаджем“, и то, что кажется абсурдом, – идеально точно описывает реальность – в таком мире мы живем» [30]. В другом интервью, в 2011 г., писательница подчеркнула, что «...основной тренд – это линия, идущая от Гоголя через Булгакова. Это немножко гротесковая фантастика, то есть реалистическая проза с фантастическими допущениями» [31].

роя, стиль (поэтика сказа и фантастики)). Во-вторых, скрытая цитатная аллюзия на весь корпус гоголевских текстов, объединенных темой телесного и духовного в человеке и телесности, которая распадается на части, смешивается и отождествляется с бездушной вещественностью. Смыслового конфликта между двумя этими видами межтекстовых связей нет, но можно говорить о подчинении первого второму. Но это подчинение не искусственное, так как в повести «Шинель» представлена коллизия взаимоотношений тела и шинели как предмета материального мира, который наделяется особым онтологическим статусом, становится «заместителем живого тела», «носителем витального смысла» [32, с. 156]. Славникова, «переписывая» повесть «Шинель», гиперболизирует в ней телесно-вещественную проблематику, продолжая развитие гоголевского вопроса о теле и душе, теле и вещи.

Телесно-духовная недостаточность героини в речи повествователя изображается с опорой на традиционный прием комического, который в том числе был свойственен и Гоголю, – сравнение. Но выбираемая сфера для сравнения (предметы не эстетические по своей сути: бытовые предметы и овощи) внешне выглядит как источник комического, унижающего героиню, но внутренне (содержательно) выражает особое состояние реальности, в которой встает проблема онтологической целостности и самодостаточности индивида. Комический прием становится выражением трагического состояния мира и человека в нем.

Образ главной героини, генетически восходящий к Башмачкину, строится на онтологическом конфликте между первой и второй природой. Конфликт проявляется в нескольких семантических полях. Во-первых, это семантика имени героини – Викторина Тракторовна Башмакова. Во-вторых, в образе глаз как портретной детали: «*глаза имела подслеповатые, носила тяжелые очки с линзами сложными и толстыми, похожими на донца молочных бутылок. За этими линзами ее глаза не только не выглядели зорче, но уничтожались совершенно, только моргали иногда, напоминая собеседнику микроорганизмы под плохо наведенным на резкость микроскопом*» [33]. В-третьих, это присущее героине стремление к поэтизации мира и себя, которое можно трактовать как интуитивную потребность выхода в метафизическое пространство. Героиня, воспринимая чертежи «*смертоносных штук*» как «*внутренности музыкального инструмента*», создает мнимое идеальное измерение пространства, которое ее окружает. Но, как можно заметить, неподлинной метафизикой наделяется природа второго порядка, что становится сигналом потери связи героини с подлинной онтологией. Коллизия героини с носом, одержимым запахами,

опять же выходит к обретению суррогатного духовного наполнения. Повествовательная интонация, опирающаяся на принципы бурлеска в эпизоде вручения духов героине на день рождения, обнажает подмену метафизического духа искусственным: «*Нашлись добрые люди, которые решили воплотить мечту Викторины Тракторовны в жизнь. <...> ...весь отдел сбежался смотреть на воплощение мечты. <...> Влажная пробка оставила за ушами Викторины Тракторовны две душистые метки, и это было, как причастие, чудесно и торжественно. Снова закупорив флакон, преображенная Викторина Тракторовна поставила его на видное место*» [33].

Вскрываемая бурлескной интонацией подмена подлинного мнимым представляется не виной героини, а ее бедой. Героине присуща тоска по гармоничной телесно-духовной полноте, которая может дать чувство индивидуальной онтологической самодостаточности. В этом смысле в героине при всей ее несурзности обнаруживается трагический потенциал борца за свое живое онтологическое «я» в зоне, где вскрывается поглощение природы первого порядка природой второго порядка. Окружение же героини лишено осознания своего кризисного состояния, когда тело «перетекает» обратно в первоформы первичной материи: «*накрашенное скуластое лицо было словно слеplено из пластилина; закричала она, гримасничая размазанным лицом, вчерашний пластилин которого, казалось, был смят, а потом из получившегося кома был кое-как вылеплен повтор, небрежный и жуткий*» [33]. В финале рассказа, построенного по законам гоголевской поэтики фантастического гротеска, когда сверхъестественное становится способом выявления истинного состояния реальности, вскрывается уподобление по принципу метонимической смежности нематериального материальному. Призрак героини, преследующий горожан, избыточно телесен и физиологичен: «*нос – один, громадный, без всякого лица, в заломленной черной шляпке и в нитках крупного жемчуга, кои дополнены вытекшей из ноздри густой и круглой каплей*» [33]. Форма мщения призрака – это показ жертвам их мнимого духовного я («*не пахнуть ничем, кроме как самим собой*»), которое заполняет пустую оболочку тела («*Словно ледяным сквозняком пробирает жертву от той понюшки до самых кишок; словно все его кишки и кости суть развешанные в воздухе погремушки*») [33].

Подводя итог, можно сказать, что у представленных писателей выявлен рецептивный интерес к гоголевскому стилистическому оформлению образа маленького человека как содержательной форме. Стилистические законы гоголевской повести, в которой сосуществуют «гримаса скорби» и «гримаса

смеха», «наследуются» современными писателями как форма выражения кризисного состояния мира и человека. «Совмещение несовместимого», изначально положенное в стилистическую основу повести, значимо для современных писателей как художественный принцип для фиксации образа смещенной реальности. Реальности, в которой вслед за Гоголем продолжает исследоваться объем и последствия антропологической катастрофы личности – потери ей своей самости, телесной и духовной самодостаточности. Общее у всех трех писателей – это кризисная ситуация переходного постсоветского периода. Все герои в масштабе своей личной биографии находятся на границе между советским и постсоветским. В романе Маканина проблема мельчания личности находится в зоне рефлексии поколения, которое осознает бесцельность и бессмысленность собственной жизни на сломе эпох. Обратной стороной гримасы смеха, представленной разными оттенками комического, является горькая самоирония, формирующая семантику «гримасы скорби». Пье-

цух, используя широкий диапазон приемов, пародии, иронии и гротеска, демифологизирует образ советского интеллигента. Специфика трансформации «гримасы скорби» обусловлена тем фактом, что субъектом является также интеллигент, который, избегая изощренной сложности в непринужденной разговорной форме, говорит о серьезных и печальных вещах. Об онтологической катастрофе личности размышляет Славникова. Обнаруживаемая и исследуемая Славниковой деформация человека мыслится как немотивированное фундаментальное свойство мира, в котором неразличимыми становятся подлинное и мнимое как в пространстве физической, так и метафизической реальности. Смещение естественных пропорций, представленное художественными средствами фантастического гротеска, демонстрирует трагическое состояние мира, в котором человек смешивается с бездушной вещественностью. Стиль письма Славниковой отражает состояние мира, лишённого былой и уже не восстановимой цельности.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Немзер А. С. Замечательное десятилетие русской литературы. М.: Захаров, 2003. С. 79–108.
2. Немзер А. С. Современный диалог с Гоголем // Новый мир. 1994. № 5. С. 208–225.
3. Черняк М. А. С Гоголем на дружеской ноге: юбилейные заметки // Знамя. 2009. № 6. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3943> (дата обращения: 14.04.2023).
4. Рыбальченко Т. Л. Человек пишущий и человек живущий в повести Н. В. Гоголя «Шинель» и рассказе М. Шишкина «Урок каллиграфии» // Н. В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепция): сб. ст. Томск, 2008. Вып. 2. С. 329–340.
5. Баль В. Ю. Образ Чичикова в современной русской прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 147–168.
6. Баль В. Ю. Плюшкинский сюжет в романе О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 104–132.
7. Рыбальченко Т. Л. Телесный дискурс как источник фантастического в рассказах Ю. Буйды: проблема гоголевского влияния // Н. В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепция): сб. ст. Томск, 2010. Вып. 3. С. 384–480.
8. Рыбальченко Т. Л. Гоголь и гоголевский художественный мир в творческом сознании В. Отрошенко // Образы Италии в русской словесности: По итогам 2-й Междунар. науч. конф. Междунар. науч.-исслед. центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия», Томск – Новосибирск, 1–7 июня 2009. Томск, 2011. С. 269–293.
9. Симон Г. А. Глава II Соотношение добра и зла в мифологической картине мира Н. Садур (§ 2.1. Эстетика «ужасного» в репрезентации хрупкой красоты мира: «гоголевский» текст Н. Садур) // Художественная репрезентация антиномии «добро / зло» в творчестве Н. Садур: дис. ... канд. филол. наук: Улан-Удэ, 2014. С. 45–66.
10. Марон А. Формы выражения авторского сознания в драматургии Николая Коляды: дис. ... д-ра филол. наук. Жешув, 2016. Гл. IV: Интертекстуальность драматургии Н. Коляды. С. 141–184.
11. Шлейникова Е. Е. «Башмачкин» О. Богаева как драматургический римейк // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8, № 27. С. 97–102.
12. Ципуштанова М. А. Гоголевский текст в творческой рецепции Николая Коляды (пьеса «Старосветская любовь») // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 4. С. 43–45.
13. Баль В. Ю. Гоголевский текст в пьесах Н. Коляды (на материале поэмы «Мертвые души» и комедии «Ревизор») // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 133–147.
14. Меладшина Ю. В. Гоголевский текст в романе В. А. Шарова «Возвращение в Египет: Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (второго)»: дис. канд. ... филол. наук. Пермь, 2019. 228 с.
15. Баль В. Ю. Терпение и нетерпение в русском мессианстве (роман В. Шарова «Возвращение в Египет») // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 11: Терпение: художественная интерпретация и творческая практика в русской литературе XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. С. 90–110.
16. Баль В. Ю. Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 году). Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 213–242.

17. Баль В. Ю. Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 г.). Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 184–198.
18. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1: Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 512 с.
19. Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // О прозе: сборник статей. Л.: Художественная литература, 1969. С. 306–326.
20. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2001. 608 с.
21. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Академия, 2003. 688 с.
22. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2004. 704 с.
23. Бочаров С. Г. О стиле Гоголя // Типология стилевых развития нового времени: Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле. М.: Наука, 1976. С. 409–445.
24. Манн Ю. В. Карнавал и его окрестности // Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. С. 656–682.
25. Рыбальченко Т. Л. Ситуация отказа от писательства в романах М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Маканина // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 133–143.
26. Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. 320 с.
27. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: ВАГРИУС, 1999. 557 с.
28. Малькова А. В. Ситуация говорения в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 104–116.
29. Пьесух В. А. Николаю Васильевичу. Демонстрация возможностей // Плагиат. Повести и рассказы. М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2006. С. 66–78.
30. Гоголь и современный мир. URL: <http://slovari21.ru/news/264> (дата обращения: 16.03.2024).
31. Ольга Славникова: «Ген Толстого есть у каждого русского романиста». URL: <https://lit-ra.info/intervyu/olga-slavnikova-gen-tolstogo-est-u-kazhdogo-russkogo-romanista/> (дата обращения: 16.03.2024).
32. Карасев Л. В. Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 400 с.
33. Славникова О. Chanel № 5. URL: <https://puhanov.livejournal.com/89130.html> (дата обращения: 16.03.2024).

### References

1. Nemzer A. S. *Zamechatel'noye desyatiletie russkoy literatury* [A wonderful decade of Russian literature]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. P. 79–108 (in Russian).
2. Nemzer A. C. *Sovremennyy dialog s Gogolem* [Contemporary dialogue with Gogol]. *Novyy mir*, 1994, no. 5, pp. 208–225 (in Russian).
3. Chernyak M. A. *S Gogolem na druzheskoy noge: yubileynye zametki* [With Gogol on friendly terms: anniversary notes]. *Znamya*, 2009, no. 6 (in Russian). URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3943> (accessed 16 March 2024).
4. Rybal'chenko T. L. *Chelovek pishushchiy i chelovek zhivushchiy v povesti N. V. Gogolya "Shinel'" i rasskaze M. Shishkina "Urok kalligrafii"* [The person writing and the person living in the story by N. V. Gogol's "The Overcoat" and M. Shishkin's story "Calligraphy Lesson"]. *N. V. Gogol' i slavyanskiy mir (russkaya i ukrainskaya retseptsiya): sbornik statey* [N. V. Gogol and the Slavic world (Russian and Ukrainian reception): collection of articles]. Tomsk, 2008. Vol. 2. Pp. 329–340 (in Russian).
5. Bal V. Yu. *Obraz Chichikova v sovremennoy russkoy proze* [The image of Chichikov in modern Russian prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 49, pp. 147–168 (in Russian).
6. Bal V. Yu. *Plyushkinskiy syuzhet v romane O. Slavnikovoy "Strekoza, uvelichennaya do razmerov sobaki"* [Plyushkinsky plot in the novel by O. Slavnikova "Dragonfly, enlarged to the size of a dog"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2019, no. 60, pp. 104–132 (in Russian).
7. Rybalchenko T. L. *Telesnyy diskurs kak istochnik fantasticheskogo v rasskazakh Yu. Buydy: problema gogolevskogo vliyaniya* [Bodily discourse as a source of the fantastic in the stories of Yu. Buida: the problem of Gogol's influence]. *N. V. Gogol' i slavyanskiy mir (russkaya i ukrainskaya retseptsiya): sbornik statey* [N. V. Gogol and the Slavic world (Russian and Ukrainian reception): collection of articles]. Tomsk, 2010. Vol. 3. P. 384–480 (in Russian).
8. Rybalchenko T. L. *Gogol' i gogolevskiy khudozhestvennyy mir v tvorcheskoy soznanii V. Otroshenko* [Gogol and Gogol's artistic world in the creative consciousness of V. Otroshenko]. *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti: Po itogam 2-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo tsentra "Russia – Italia" – "Rossiya – Italiya", Tomsk – Novosibirsk, 1–7 iyunya* [Images of Italy in Russian literature: Based on the results of the 2nd International. scientific conf. Intl. scientific research Center "Russia – Italia" – "Russia – Italy". Tomsk – Novosibirsk, 1–7 June]. 2009. Tomsk, 2011. P. 269–293 (in Russian).
9. Simon G. A. *Khudozhestvennaya reprezentatsiya antinomii "dobro/zlo" v tvorchestve N. Sadur*: Dis. kand. filol. nauk [Artistic representation of the antinomy "good/evil" in the works of N. Sadur. Diss. cand. philol. sci.]. Ulan-Ude, 2014. P. 45–66 (in Russian).



10. Maron A. *Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v dramaturgii Nikolaya Kolyady*. Dis. dokt. filol. nauk [Forms of expression of author's consciousness in the dramaturgy of Nikolai Kolyada. Diss. doc. philol. sci.]. Zheshuv, 2016. P. 141–184 (in Russian).
11. Shleynikova E. E. "Bashmachkin" O. Bogaeva kak dramaturgicheskii rimeyk [Bashmachkin" by O. Bogaev as a dramatic remake]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Hetzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2007, vol. 8, no. 27, pp. 97–102 (in Russian).
12. Tsipushtanova M. A. Gogolevskiy tekst v tvorcheskoy retseptsii Nikolaya Kolyady (p'yesa "Starosvetskaya lyubov") [Gogol's text in the creative reception of Nikolai Kolyada (play "Old World Love")]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*, 2012, vol. 4, pp. 43–45 (in Russian).
13. Bal V. Yu. Gogolevskiy tekst v p'yesak N. Kolyady (na materiale poemy "Mertvyye dushi" i komedii "Revizor") [Gogol's text in the plays of N. Kolyada (based on the poem "Dead Souls" and the comedy "The Inspector General")]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2020, no. 4, pp. 133–147 (in Russian).
14. Meladshina Yu. V. *Gogolevskiy tekst v romane V. A. Sharova "Vozvrashcheniye v Egipet: Vybrannyye mesta iz perepiski Nikolaya Vasil'yevicha Gogolya (vtorogo)*». Dis. kand. filol. nauk [Gogol's text in the novel by V. A. Sharov "Return to Egypt: Selected passages from the correspondence of Nikolai Vasilievich Gogol (second)". Diss. cand. philol. sci.]. Perm, 2019. 228 p. (in Russian).
15. Bal V. Yu. Terpeniye i neterpeniye v russkom messianstve (roman V. Sharova "Vozvrashcheniye v Egipet") [Patience and impatience in Russian messianism (V. Sharov's novel "Return to Egypt")]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog. Vypusk 11: Terpeniye: khudozhestvennaya interpretatsiya i tvorcheskaya praktika v russkoy literature XX veka* [Russian literature in the twentieth century: names, problems, cultural dialogue. Vol. 11: Patience: artistic interpretation and creative practice in Russian literature of the twentieth century]. Tomsk, TSU Publ., 2021. Pp. 90–110 (in Russian).
16. Bal V. Yu. Literaturnaya reputatsiya Gogolya: mezhdru dvukh kanonov (na materiale 200-letnego yubileya pisatelya v 2009 godu). Stat'ya 1 [Gogol's literary reputation: between two canons (based on the writer's 200th anniversary in 2009) Article 1]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 68, pp. 213–242 (in Russian).
17. Bal V. Yu. Literaturnaya reputatsiya Gogolya: mezhdru dvukh kanonov (na materiale 200-letnego yubileya pisatelya v 2009 g.). Stat'ya 2 [Gogol's literary reputation: between two canons (based on the writer's 200th anniversary in 2009) Article 2]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 70, pp. 184–198 (in Russian).
18. *Teoriya literatury: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy: v 2 tomakh. T. 1: Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* [Theory of literature: a textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: in 2 volumes. Vol. 1: Theory of artistic discourse. Theoretical poetics]. Eds Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broymann S. N. Moscow, 2004. 512 p. (in Russian).
19. Eykhenbaum B. M. Kak sdelana "Shinel'" Gogolya [How Gogol's «Overcoat» was made]. *O proze. Sbornik statey* [About prose. Collection of articles]. Leningrad, KHudozhestvennaya literatura Publ., 1969. P. 306–326 (in Russian).
20. Skoropanova I. S. *Russkaya postmodernistskaya literatura: uchebnoye posobiye* [Russian postmodern literature: a textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2001, 608 p. (in Russian).
21. Leyderman N., Lipovetskiy M. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy: v 2 tomakh. Tom 2: 1968–1990* [Modern Russian literature: 1950–1990s: a textbook for students of higher educational institutions: vol 2: 1968–1990]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 688 p. (in Russian).
22. Lotman Yu. M. *Semiosfera*. Saint Petersburg, 2004. 704 p. (in Russian).
23. Bocharov S. G. O stile Gogolya [About Gogol's style]. *Tipologiya stilevogo razvitiya novogo vremeni: Klassicheskii stil'. Sootnosheniye garmonii i disgarmonii v stile* [Typology of stylistic development of modern times: Classical style. The relationship between harmony and disharmony in style]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 409–445 (in Russian).
24. Mann Yu. V. Karnaval i yego okrestnosti [Carnival and its surroundings]. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's work: meaning and form]. Saint Petersburg, 2007. P. 656–682 (in Russian).
25. Rybal'chenko T. L. Situatsiya otkaza ot pisatel'stva v romanakh M. Bulgakova, B. Pasternaka, V. Makanina [The situation of refusal to write in the novels of M. Bulgakov, B. Pasternak, V. Makanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2003, no. 277, pp. 133–143 (in Russian).
26. Abasheva M. P. *Literatura v poiskakh litsa (russkaya proza v kontse XX veka: stanovleniye avtorskoy identichnosti)* [Literature in search of a face (Russian prose at the end of the 20th century: the formation of authorial identity)]. Perm, Perm University Publ., 2001. 320 p. (in Russian).
27. Makanin V. *Andegraund, ili Geroy nashego vremeni* [Underground, or Hero of Our Time]. Moscow, VAGRIUS Publ., 1999. 557 p. (in Russian).
28. Mal'kova A.V. Situatsiya govoreniya v romane V. Makanina "Andegraund, ili Geroy nashego vremeni" [The situation of speaking in V. Makanin's novel "Underground, or Hero of Our Time"]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 3, pp. 104–116 (in Russian).
29. P'yetsukh V. A. Nikolayu Vasil'yevichu. Demonstratsiya vozmozhnostey [To Nikolai Vasilievich. Demonstration of capabilities]. *Plagiat. Povesti i rasskazy* [Plagiarism. Novels and stories]. Moscow, Globulus, House NC Publ., 2006. P. 66–78 (in Russian).

30. *Gogol' i sovremennyy mir* [Gogol and the modern world] (in Russian). URL: <http://slovari21.ru/news/264> (accessed 16 March 2024).
31. *Ol'ga Slavnikova: "Gen Tolstogo est' u kazhdogo russkogo romanista"* [Ol'ga Slavnikova: "Every Russian novelist has Tolstoy's gene"] (in Russian). URL: <https://lit-ra.info/intervyu/olga-slavnikova-gen-tolstogo-est-u-kazhdogo-russkogo-romanista/> (accessed 16 March 2024).
32. Karasev L. V. *Veshchestvo literatury* [The substance of literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 400 p. (in Russian).
33. Slavnikova O. *Chanel № 5* (in Russian). URL: <https://puhanov.livejournal.com/89130.html> (accessed 16 March 2024).

***Информация об авторе***

**Баль В. Ю.**, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).  
E-mail: balverbal@gmail.com

***Information about the author***

**Bal V. Yu.**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).  
E-mail: balverbal@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 26.03.2024; принята к публикации 24.05.2024*

*The article was submitted 26.03.2024; accepted for publication 24.05.2024*